

УДК 398.8

ПОВТОРЫ В ЧАСТУШКЕ

© 2025

К.Е. Корепова

Корепова Клара Евгеньевна, ORCID: 0000-0002-1837-3353, доктор филологических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), korvic@list.ru.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2025

Статья принята к публикации: 10.06.2025

В статье рассматриваются повторы в частушке с точки зрения их семантики и стилистической функции, с учетом малой формы жанра. Исследуются тавтологические и синонимические повторы разного вида. Устанавливается, что частушка, оставаясь коллективным творчеством, широко пользуется всеми типами данных повторов, но в ней они перерабатываются в связи с жанровой спецификой: происходят расщепление тавтологических и синонимических пар, выделение и повтор каждого члена, сопровождение их зависимыми словами, дополнение зависимых слов тавтологией, что в результате приводит к повышению эмоциональности текста и общей семантической его нагруженности. Функция повтора сохраняется фольклорная – усилительная. В частушке совмещаются два принципиально противоположных принципа организации текста: эллипсис и повтор, эллипсис делает текст содержательно ёмким, повторы – эмоционально насыщенным. Как совмещаются они в текстах – это подлежит еще исследованию, как и сопоставление частушки по данным характеристикам с другими видами лирической миниатюры.

Ключевые слова: частушка, миниатюра, семантическая нагруженность текста, повторы, эллипсис, синонимия, тавтология.

Повторы – характерная особенность языка фольклора. В частушке, позднем жанре, эта особенность устного творчества сохраняется в полной мере (по статистическим подсчетам повторов в частушке почти столько же, сколько в традиционной лирической песне [Зырянов 1974, с. 52]). Повтор остается одним из важнейших способов организации текста в ней.

Повтор в фольклоре всегда привлекал к себе внимание исследователей и рассматривался в разных аспектах (генезис, историческое развитие, состав, функции в разных жанрах и т.д.). К нему обращались Ф. Миклошич, А.А. Потебня, Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский и многие другие известные ученые. Обзор многочисленных лингвистических работ о повторе дан А.П. Евгеньевой [Евгеньева 1963, с. 98–100, 255–256]. В ее работах, по большей части также посвященных повторам, создаваемым тавтологией и синонимией, этот прием изучался в историческом аспекте на широком фольклорном материале, хотя, прежде всего, в эпосе, к сожалению, жанр частушки ею не привлекался [Евгеньева 1949, Евгеньева 1963]. Активно изучается повтор в современной науке, особенно в лингвофольклористике [Артеменко 1977, Васильева 2004, Доброва 2018 и др.]. Привлекла внимание и частушка. Повтор в частушке рассматривался в общем обзоре поэтики жанра И.В. Зыряновым [Зырянов 1974, с. 52–57] и А.В. Кулагиной [Кулагина 2000, с. 47–49]. И.В. Зырянов выделил и дал описание групп повторов по их грамматической природе (сочетания однокоренных существительных, наречий, глаголов в личной форме и инфинитиве, глагола и наречия и др.), по роли их в предложении (сочетание однокоренных подлежащего и сказуемого, сказуемого и дополнения), отметил роль в создании «определенной интонации», эмоциональной окраски, «ритмо-стиховой и синтаксической структуры» [Зырянов 1974, с. 56]. Лингвистами исследовалось место повторов в структуре текста, предложена многофункциональная типология повторов [Доброва 2018]. Нам представляется, что есть необходимость рассмотреть повторы в частушке с точки зрения их семантики и стилистической функции (с учетом малой формы жанра) и объяснить один из парадоксов жанровой поэтики: как в частушке-миниатюре совмещаются, с одной стороны, широко используемые пропуски (эллипсисы), позволяющие экономить поэтическую площадь и делать малый текст содержательно ёмким [Корепова 2025], а с другой, казалось бы, обратное – повторы, притом «щедрое»: иногда даже десятикратные, часто пятикратные – слов, а еще синтагм и целых предложений (в измерении площадью – строк), занимающие поэтическое место, но часто не добавляющие смысловой нагрузки.

Семантические повторы бывают разных видов, один из распространенных — синонимический. Как отмечала А.П. Евгеньева, повторы, выраженные сочетанием синонимов, отличаются в устной поэзии «не только частотой употребления, но и разнообразием, богатством своих форм» [Евгеньева 1949, с. 171]. Многие выделенные ею виды употребляются и в частушках. Так, встречаются в языке жанра однокоренные **тавтологические сочетания**, *тождесловия* по терминологии Ф. И. Буслаева [Буслаев 1992, с. 283], устоявшиеся в русском языке и пришедшие в жанр с разговорной речью, например: *Думу думаю о милом* [Тимин, № 1179], *Я вечер вечеровала, / Одну думу думала* [Елеонская, № 5484], *Изгороду городила / С горочки на косо-гор ...* [Елеонская, № 635], *Где-то, где-то гром гремит ...* [БРФ, № 1444], *Эй, товарищ, мой товарищ, / Давай горе горевать ...* [Тимин, № 3768] и т. п.

Многие подобные выражения являются в языке «окаменевшими» формами и обычно не представляют собой «художественное средство», например: *гром гремит, мосты мостить, писать письмо* и т.п. — таковыми они остаются и в частушках (см. приведенные выше примеры). Но в частушках иногда, попадая в поэтический язык жанра, они «оживают», приобретают выразительность, часто с помощью дополнительных средств, становятся «усилительной тавтологией». Пример тому — частушка: *Я иду и думу думаю, / А дума моя, ой, / Вот наступит времечко ... / Пришел бы милый мой* [Тимин, № 2674]. В ней произошло расщепление тавтологической пары: сначала употреблено устойчивое выражение *думу думать*, в котором дополнение кажется семантически излишним, но затем оно выделено, повторено как самостоятельное и снабжено определением (*а дума моя*), таким образом оно стало само по себе значимым и далее еще наполнилось атрибутивным содержанием, переданным сбивчиво, синтаксически несвязанными фразами, будто в устной речи, взволнованной и потому неотрегулированной. В результате устойчивое тавтологическое выражение приобрело эмоциональную окраску, она усилена еще междометием, разрывающим фразу, похожим на вырвавшийся тяжелый вздох (*а дума моя, ой...*), придающим глаголу новый оттенок: с учетом контекста *думать* — это уже не просто *размышлять*, а *размыш-*

лять с горечью. Преобразованный повтор, вместе с другими средствами, почти не добавляя новой содержательной информации, сделал текст эмоционально насыщенным.

Посредством тех же приемов повышенную эмоциональность приобрело традиционное парное сочетание *горе горевать* в другой частушке: *Никто горенька не знает: / Ни отец, ни родна мать, / И придется это горенько / Одной погоревать...* [Тимин, № 1982]. Как и в предыдущей, в ней, во-первых, расширен ряд однокоренных слов: слово-дополнение (*горенько*) повторено, только здесь оно, вынесенное из сочетания, предшествует тавтологической паре, во-вторых, парное тавтологическое выражение расщеплено путем добавления к каждому слову второстепенных членов (*горюшко это, погоревать одной*), в результате каждое разрослось до синтагмы и стало акцентированным. В-третьих, эмоциональность создавалась частичным изменением морфологической формы слов в паре: употреблением существительного с деминуативным суффиксом, а глагола с приставкой, придающей значение временной протяженности – *горевать* в течение какого-то времени, то есть дополнительную эмоциональную окраску.

Еще яркий пример. *Почернело мое сердце / Чернее черного чела, / Не видала свово милого / Ни нонче, ни вчера.* [Тимин, № 1818]. Кроме сквозного звукового повтора (шесть слогов *-че*), в частушке есть и несколько тавтологических повторов. Вероятно, пароним *чело* сближается здесь с имеющими корень *черн-* и выступает в роли синонима к ним, включаясь в атрибутивную пару *черное чело*, расширяя ряд пар: *почернело чернее, чернее чела, чернее черного*. Черный цвет в поэтическом языке частушки ассоциируется с горем (см., например: *При печали, черна юбочка, в тебя оденуся ...* [Тимин, № 2194]). В данной частушке нет лексем *горе* или *печаль*, а чувство выражено метафорой *почернело сердце*, семантика *черного*, а следовательно, и подразумевающейся здесь печали, многократно усилена тавтологией.

Употребление тавтологических сочетаний для усиления выразительности оказалось в частушках продуктивным, и по выработанным моделям активно создавались новые пары, но, как правило, преобразованные, чаще всего расщепленные. По модели «однокоренной глагол + существительное» (типа *дождь дождит, мост мостит*) возникали синонимические пары для изображения лирического героя,

иногда именованного метафорой, в его основной функции: *Ах, засуха, ты засуха / Засушила ты меня* (Елеонская, № 4523), *Ты, забава, ты, забава, / Ты зачем забавила?* (БРФ, № 3236), *Тараторочка моя, ты не тараторься...* [Елеонская, № 5559], *Сербиянка, сербиянка, / Все бы сербиянила...* [Климкова 2013, с. 96], *Довольно поматанилась я с тобой, матанечка* [Тимин, № 2506], *Вересиночка моя, / Где ты вересинишься?* (БРФ, № 3945), *Гоноболинка моя, / Где ты гоноболишься?* [Колпакова 1966, с. 269], *В некрутах я некрутился...* [Тимин, № 3880], *Дролечка, не подходи, / Не надо подходителей...* [БРФ, № 4027]. Выразительные примеры приведены А.А. Гореловым, среди них: *Завлекаши здесь не наши, / Завлекают уж не нас* [Горелов 1965, с. 15].

Творческое преобразование модели выразилось и в том, что в качестве значимого слова, организующего пару, стало использоваться прилагательное: *Говорят, я боевая, / Так и надо боевить* [Климкова 2013, с. 96], *Лиходеечка бойка, / Бойка – перебойчилась...* [Тимин, № 2372].

Парная тавтология в частушке обыгрывается постановкой рядом двух синонимических пар: *Завлекательные глазки / Завлекли до самой Пасхи; / Заразительные очи / Заразили с темной ночи* [Тимин, № 427], а усиливается еще парной синонимией соответствующих существительных (*глазки – очи*). Сходно используется соединение тавтологии и синонимии в частушке: *Вы родители-губители, / Зарезники мои, / Меня без ножика зарезали: / С любым поразвели* [Симако, № 1380]. В ней тавтологический неологизм (*зарезники*) усиливается синонимом: *зарезники – губители*.

Помимо собственно тавтологических пар, в частушках используются пары с семантической тавтологией, или **синонимические пары**, те, в которых повторяющиеся слова не являются однокоренными, но они равнозначны или близки по значению – «подобозначащие», как называл их Ф.И. Буслаев [Буслаев 1992, с. 283]. Среди них обнаруживается особое видовое богатство. Укажем их виды, следуя классификации А.П. Евгеньевой, и обратим внимание на своеобразие в частушках.

Встречаются в частушках пары семантических дублетов, совпадающих полностью по значению: *С ума-разума не сходит / Дорогой Сереженька...* [Елеонская, № 2806], *Пускай бабы судят-рядят...*

[БРФ, № 3098], *Сухота-заботушка*, / *Нейдет на ум работушка* [БРФ, № 3186], *Ах, сударушка-зязноба...* [Зеленин, № 242] (*сударушка* и *зязноба* – в частушках эквивалентные наименования возлюбленной), *От милого-ягодки ни письма, ни грамотки* [БРФ, № 3356], *Я все ямочки, канавочки слезами улила...* [БРФ, № 3312], *Сохну, вяну*, как травинка, / *По тебе, мой сиротинка* [Симаков, № 589] и *Мой-от милый сохнет, вянет...* [Тимин, № 1937], *Меня били-коло-тили* / *Во поле под елочкой...* [Симаков, № 787], *Растоскуюсь, разгуюсь* – / *Унять некому меня* [Тимин, № 1875], *С людьми баёт и калат* – со мной ни словечка [Тимин, № 1733], *Мое сердце окаянно* / *Болит, ноет* постоянно [Елеонская, № 5058]. Синонимы-дублеты объединяются в пары бессознательно, как и при тавтологии, но чаще, как и там, пары преобразуются. Они разрастаются за счет добавления третьего: *Тятя, тятенька, отец*, / *Я не пахарь, не косец...* [Тимин, № 3961], *Кину, брошу, позабуду* / *Первую милашку* [Тимин, № 3465], последний глагол в разросшейся паре равнозначен предыдущим, употребленным в переносном значении. Каждое слово может дополняться вспомогательными членами предложения и разрастаться в синтагму или даже в предложение: *Не боюсь* тяти-мамы, / *не страшусь* никого... [Тимин, № 918], ... *полно ныть, полно болеть* ... <ретивое> [Зеленин 1905, № 265], *Где-то, где-то заиграли*, / *Где-то за-талянили...* [Елеонская, № 4902], *Вот опять и заиграли*, / *Вот и забаянили...* [БРФ, № 3170], *Ты играй гармошечка*, / *Времечка немножечко*, / *Времечка немножечка*, / *Времечка маненечка* – / *Последняя неделечка* [Тимин, № 3995], *Сроду, сроду не гуляла*, / *Сроду не симпатилась...* [Тимин, № 17], *Пойду с горя в чисто поле*, / *А с печали – в темный лес...* [Зеленин, № 289].

Стилистическая функция дублетных синонимических пар – не только словесное обогащение текста разнообразием, но и усиление выражаемого значения, придание ему некоторой экспрессии, ср., например, возможное: *Я не буду больше вечером гулять* и частушечный текст: *Я не буду, я не стану больше вечером гулять* [Тимин, № 936]. Выделение каждого слова в паре ради усиления дополняется часто тавтологическим повтором связанного с ним слова: *времечка немножечка, времечка маненечка; полно ныть, полно болеть*. Используется также традиционный для фольклора способ усиления пу-

тем введения соединительного союза (*бает и калякат*), повторяющегося союза (*ни письма, ни грамотки*), а также постановкой выделяемого синонима в постпозицию.

В синонимические пары часто объединяются слова, имеющие разную стилистическую окраску. Могут быть поставлены рядом диалектное и литературное слово или, что встречается в частушках чаще, разговорное, даже просторечно-сниженное, и литературное: *Посулился* – не явился, / *обещался* – не пришел... / *Наверно, рваный полушубок* / *На полатях не нашел* [БРФ, № 1451], *Как за карты – так и плакать*, / *Как гадать – так и реветь*... [Тимин, № 1821], *У миленька глазенки <...> ... они меня заразили*, / *они меня завлекли* [Тимин, № 438] и *Заразила-завлекла* молоденька девчоночка [Тимин, № 3366], *Не платок сердце зажег*, / *Зажег* миленький дружок, / *Он зажег и запалил*... [Тимин, № 718], *Шел я Ладожской Канавой*, / *Шел я, слезы проливал*, / *Из-за тебя, моя хорошая*, / *Все плакал и рыдал* [Елеонская, № 8], *Нас и хают и ругают* [Елеонская, № 3094].

В синонимическую пару могут входить архаизм и слово современного литературного языка: *Кто бы знал да кто бы ведал*, / *Как болит сердце мое*... [Тимин, 1815, 1731], *Симпатя, симпатя*, / *Симпатя, чаешь ли?* / *Я любить тебя не стану*, / *Симпатя, знаешь ли?* [Тимин, № 1803], *Говорили-баяли*, / *мне миленька хаяли*... [Тимин, № 457], *Знаю, знаю, кто набаял*, *Знаю, кто наговорил* [Тимин, № 1731], *На меня наговорили*, *на меня набаяли* [БРФ, № 3055].

Широко распространены в частушках пары синонимов, имеющих хождение в разных жанрах и стилях речи: *Ну, какие нынче годы*, / *Ну, какие времена*... [Елеонская, № 1486]. Здесь встречаются самые разные сочетания. Сталкиваются слова литературного и канцелярского употребления: *Неужели не придет*, / *Неужель не явится?* [БРФ, № 1464], *Говорят, что не придет*, / *Говорят, не явится*... [БРФ, № 1470]. Ставятся рядом слова литературного языка и народно-поэтические: *Что ты, Саша, не выходишь*, / *Ай, морозить* меня хочешь? / *Заморозить, зазнобить*, / *А другую полюбить?* [Елеонская, № 5173], *Закрой глазки*, / *Закрой очи* ... [Елеонская, № 1485]. Народно-поэтическое слово оказывается в паре с разговорно-сниженным или даже бранным: *Я отчаянна головушка*, *отчаянна башка*... [Тимин, № 3720]. Недавно возникшее в языке или даже в частушках слово как бы переводится, поясняется привычным литературным:

У миленочка глазенки <...> ... они меня заразили, / они меня завлекли [Тимин, № 438], *Сроду, сроду не гуляла, / Сроду не симпатилась...* [Тимин, № 17].

Распространены также пары, где второе слово совпадает по значению с первым или оба становятся синонимами лишь в определенном контексте. Например: *Сроду, сроду не белилась, / Сроду не румянилась...* [Тимин, № 17]. Здесь антонимы *белиться* – *румяниться* в контексте частушки означают одно и то же: пользоваться косметикой, «приукрашиваться». Подобный пример: *Иссушили, испалили* / поцелуи жгучие... [БРФ, № 3200]. *По тоненькой тесиночке / Ходил я к сиротиночке, / По тоненькой еловенькой / ходил я к чернобровенькой* [БРФ, № 2908] – в этой частушке *чернобровенькая* и *сиротиночка* – устойчивые замены *возлюбленной*. *Сиротинка* в языке частушки – *оставленная возлюбленным*, здесь, возможно, с оттенком *обделенная вниманием*. Еще примеры: *Она меня заразила. / Бела кофточка на ней. / Теперь бросила, забыла...* [Тимин, № 3388], *Мне не пьется, не глотается холодная вода* [БРФ, № 3155], *Говорят, что боевая, – ну, конечно, смелая* [Тимин, № 3148], *Здесь грязь, тут и лужа...* (и пара: *здесь – тут*) [Елеонская, № 150].

В этой группе ярче всего проявилось жанровое новаторство. Синонимия здесь чаще представлена в определенном классе лексики – выражающей любовь и любовные переживания в разных проявлениях: *Отчего я похудела, / Отчего потонела?* [БРФ, № 3191], ... *день и ночь худею, таю* [БРФ, № 3192]. Особенно многочисленны и разнообразны синонимы, характеризующие сердце как метафору любви: *Веселилось и радовалось / Сердце у меня...* [Тимин, № 1732], *Сердце охнуло, встревожилось...* [БРФ, № 3330], *Сердце бьется и волнуется* [БРФ, № 3337], *До чего мое сердечушко / Доноем, доболит* [Елеонская, № 224], *У девчонок сердце тепло, / Так и греет, так и жжет...* [Тимин, № 3335] (см. об этом подробнее: Кулагина 2000, с. 134–155). Чаще встречаются в этой группе редкие индивидуальные синонимы: *Что-то тучится, туманится и солнца не видать...* [БРФ, № 3302], *Что-то на небе темно, / Что-то оболотно...* [Елеонская, № 2758].

Фактически не встречаются в частушках только пары, где одним из синонимов является иноязычный эквивалент русского слова.

Итак, в частушке синонимические повторы принадлежат к числу популярных, но сросшиеся лексические пары, ставшие нерасчлененными, в которых «слова как бы сливаются в одно целое, образуют новое сложное слово» [Евгеньева 1963, с. 263], в жанре сравнительно редки, хотя иногда встречаются новообразования, например, наряду с традиционным *мать-отец* = *родители*, есть *тятя-мама* (*Не боюсь тяти-мамы...* [Тимин, № 918]), а для обозначения любого струнного инструмента *балалаечка-гитарочка*: *Балалаечка-гитарочка, / Четыре струночки...* [Тимин, № 848]. По наблюдениям лингвистов, сросшиеся пары, являющиеся приметам фольклорного стиля, в разговорном языке и языке литературном сравнительно редки и там представляют заимствования из устной поэзии [Евгеньева 1949, с. 181]. Частушка в этом отношении свидетельствует о преодолении ею фольклорной традиции и сближении с литературой. Но, оставаясь коллективным творчеством, она широко пользуется этим типом повторов, только перерабатывая его в связи со своей жанровой спецификой. В частушке выработались свои приемы использования синонимических пар: расщепление их, выделение и повтор одного слова или каждого, сопровождение зависимыми словами, то есть введение в состав синтагмы, дополнение тавтологией зависимых слов, что в результате приводит к повышению эмоциональности текста. Кроме того, традиционные для всего фольклорного языка, независимо от жанра, тавтологические пары в частушках не только перерабатываются, но и включаются при этом в новый, характерный для жанра **бытовой контекст**: *Моя досада – не рассада... а кручина – не лучина* [БРФ, № 3208], также: *При дорожке, при пути / Расставались в кути...* [БРФ, № 3274]. Что касается функции синонимии, то в этом частушка осталась в основном в рамках фольклорной традиции. Лингвистами давно было отмечено, что повтор синонимов в литературе связан с введением дополнительного значения, оттенка, а в фольклоре у повтора другая функция – усилительная, таковой она осталась и в частушках. В частушках лишь иногда встречается литературная функция синонима (внесение дополнительно оттенка).

Кроме тавтологии и синонимии, в частушках есть и другие виды повторов. Один из них, по природе своей архаический, сводится к передаче путем повтора длительности или интенсивности действия, множественности предметов, интенсивности качества, что может

быть передано наречиями *много, очень, долго* и т.п.: *Рвали, рвали мой платочек ...* [Тимин, № 293]; *Пыльная, пыльная, / Пыльная дороженька ...* [Елеонская, № 2806], *Ты реви, реви, тальяночка, / Реву у верев ...* [Елеонская, № 3014]. В частушке: *Я иду, иду по бережку, / Машу, машу рукой. / Остается симпатеечка / За быстрою рекой* [Тимин, № 1496] – нежелание расставания, психологическая трудность прощания с любимым переданы через затянутость его, а последнее традиционным фольклорным способом – тавтологическим повтором глаголов, обозначающих прощальные действия. Повтор, таким образом, усиливает лиризм текста. То же в частушке: *Я ходил, ходил по полюшку, / Ходил да горевал...* [БРФ, № 3228], где длительность действия, выраженная повтором, передает силу чувства, обозначенного следующим за повтором глаголом (*горевал*).

Повтор используется для акцентирования внимания на каком-либо компоненте фразы: персонаже, его действиях, качествах субъекта или объекта, временных, локальных и других характеристиках обстоятельств. Например: *Я ли, я ли не работал, // Я ли, я ли не потел...* [БРФ, № 3234] – четырежды герой употребляет личное местоимение, обращая внимание слушателей на себя. Заметим, что, как часто бывает в частушках, художественная задача выполняется сразу несколькими приемами. В данном случае в комплекс приемов входит выражение мысли в форме риторического вопроса, подразумевающего в качестве ответа указание на персонажа, четырехкратный повтор вопросительной частицы *ли*, относящейся как к персонажу, так и к его действиям, и использование синонимов (*работал – потел*), выражающих заслуги персонажа, причем все приемы направлены на усиление эмоционального содержания высказывания. Показателен вводимый синоним: если глагол *работал* эмоционально нейтрален, то *потел*, сохраняя здесь ту же семантику, добавляет еще атрибутивную характеристику (*работал много, до пота*) и приобретает эмоциональную окраску. Еще подобный пример, где повтор называния персонажа синтаксически не оправдан, даже является излишним, а потому говорит только о его стилистической роли как художественного средства усиления: *Я от Пасхи до Казанской / Я работал на тебя* [Тимин, № 1187]. Многократность в речи, здесь без дополнительных средств, создает некоторую экспрессию.

Замечательна в этом отношении частушка, тоже с акцентированием персонажа и тоже с повтором: *Кто-то, кто-то в лесу рубит, /*

Кто-то пенешки сечет? / В коленкоровой рубашке... / Его солнышко печет... [Елеонская, № 1571]. Частушка, конечно, о милом, героиня все о нем знает: что он сейчас в лесу, рубит, не только деревья, но и пенёчки <пенешки>, он в коленкоровой рубашке и т. д., но именует его неопределённым местоимением (*кто-то*), трижды повторенным. И в этом есть некоторая игра: будто бы попытка скрыть свои чувства и в то же время не прямо, но сказать о них. Повтор неопределённого местоимения позволяет это сделать. И опять же в дополнение в частушке присутствует синонимия: *рубит* – *сечет*.

В частушке: *Ты веселая, веселая, / Веселая моя, / За тебя, моя веселая, / Сидел в остроге я* [Елеонская, № 1549] – из одиннадцати слов, не считая вспомогательного (предлога), четыре являются повтором одного – прилагательного, характеризующего героиню и одновременно как субстантивант именующего ее.

Выразительны повторы, характеризующие модальность действий персонажа: *Ой, хочу, хочу, миленочек, / Хочу, хочу горазд, / Ведь я хочу такую юбочку, / Как кепочка у вас* [БРФ, № 2606], *Захочу, так кофту вышью, / Захочу, так в клеточку, / Захочу, так парня высушу, / Как в поле веточку* [БРФ, № 2542], *Все равно* – на удалую, / *Все равно* – на перебой, / *Все равно* добьюсь до цели, / *Все равно* он будет мой [БРФ, № 1542], *Будет, будет* – походил / *По-за деревни логом, / Будет, будет* – полюбил, / *Оставайся с Богом!* [БРФ. № 3476]. В приведенных частушках повтор в речи персонажа является средством раскрытия его характера, особой эмоциональности.

Пример акцентирования повтором места действия и одновременно объекта: *Где ты, где ты, где ты, где ты, / За какими селами? / Поглядеть бы на тебя / Глазками всеселыми* [БРФ, № 3317]. И ставший почти хрестоматийным пример десятикратного повтора, использованного для выражения степени чувства – ожидания девушкой любимого: *Долго ль, долго ль, долго ль, долго ль / Долго ль месяц не взойдет; / долго ль, долго ль, долго ль, долго ль, / Долго ль милый не придет?* [Елеонская, № 2815].

Используется в частушках традиционное для фольклора повторение предлога перед каждым однородным членом (или отдельными группами их), что «несет дополнительные функции (скорее стилистические, чем синтаксические)» [Евгеньева 1963, с. 27]. «Повторение предлога как бы разъединяет однородные члены» [Евгеньева 1963,

с. 30], выделяя и акцентируя каждый: *При дороге, при пути...* [БРФ, № 3274], ... *я в последочки, в остаточки* иду этой горой [БРФ, № 3238], *Я сударушку свою / Через поле узнаю, через поле-полюшко, / Через велико горюшко* [Зеленин, № 24], *Я милашечку свою / через поле узнаю, / Через поле, через два, / Милашка ягодка моя* [Елеонская, № 3789]. Как всегда в частушках, выделение повтором дополняется еще и другими усиливающими приемами: изменением морфологической формы слова (*поле – полюшко*), распространением повторяющегося слова (*через поле – через два*) или, как в следующей частушке, заменой его синонимом, с пятикратным повтором предлога *до* и четырьмя синонимами, имеющими общее значение – *до смерти*: *Ах, сударушка-зазноба, / Довела меня до гроба! / Как до гроба, до могилы, / До сырой земли, до глины!* [Зеленин, № 242]. Использование вместе с повтором комплекса других усилительных приемов, вероятно, связано с малой формой частушки и служит средством семантического насыщения текста.

Прием разъединения сочетаний слов ради акцентирования чего-либо настолько продуктивный в частушках, что применяется с использованием не только предлога, но и самостоятельного слова, например, разъединяющим ряд однородных сказуемых может быть подлежащее, заменяя одновременно союз *и*: *Шилая, кроила я, / Кисетик из лоскутков. / Любила я, жалела я / Духаню из некрутиков* [Елеонская, № 2972]. Усиление дополняется здесь постпозицией подлежащего и повторением лексем одного семантического поля, почти синонимов или даже синонимов в фольклорной речи (*шила – кроила; любила – жалела*). А общая конструкция частушки, представляющая полный синтаксический параллелизм, придает всему тексту стройность и особую звучность.

Мы рассмотрели некоторые виды только семантических повторов. Повторы являются фундаментальным способом организации частушечного текста и охватывают все составляющие жанра: семантику, лексику, синтаксис, структуру. Они во многом определяются стихом и в то же время его формируют.¹ Повторы выполняют разные

¹ Существует классификация повторов по разным их проявлениям: по грамматической форме (субстантивные, объективные, глагольные, местоименные, союзные, можно расширить этот ряд: приставочные и предложные, повторы междометий), по способу соединения (контактные и

функции, у некоторых – структурных, а также, возможно, фонетических – главной является организующая. Но смысловая функция, как нам представляется, присуща всем, все повторы содействуют усилению эмоционального тона текста. Покажем это на примере частушек, в которых текст организован на основе структурного повтора – логического параллелизма.

Мне не надо пуд гороху –
Мне одну горошину.
Мне не надо девок много –
Мне одну хорошую
[Тимин, № 3072].

Эта трость-то не моя,
Моя-то дома, новая.
Эта шурка не моя,
Моя-то чернобровая
[Тимин, № 3106].

В приведенных мужских частушках первые двустипия не имеют никакого отношения к воспеванию возлюбленной – основной их мысли: в одной герой отказывается от предлагаемой ему трости: она не его, его трость лучше, в другой вообще говорит о горохе. Но на семантическом уровне части в каждой синонимичны: обе о выборе, о предпочтении. И первая часть в них как бы готовит к восприятию второй, настраивает на восприятие ее, «это эмоциональный фон, гармонирующий с продолжением, подготовляющий определенность восприятия главного. Это эхо, услышанное раньше, чем поняты слова», как образно выразился А.А. Горелов [Горелов 1965, с. 19]. Главная мысль в результате повтора эмоционально усилена. Способствует усилению и форма утверждения – через отрицание (не надо – надо, не моя – моя). Таким образом, и логический параллелизм как структурное повторение обеспечивает в частушке эмоциональную насыщенность текста.

дистантные), месту в стихе (анафорические и эпифорические) и т. д. [Васильева 2004]. Предложена, как уже говорилось выше, типология повторов по месту их в структуре текста [Доброва 2018]. На наш взгляд, они нуждаются в эстетической интерпретации – установлении роли их в раскрытии художественного замысла частушки.

И мы возвращаемся к поставленному в начале статьи вопросу: как возможно в рамках одного жанра совмещение двух принципиально противоположных принципов организации текста: эллипсиса и повторов? Частушка – жанр лирический, но чувства и переживания раскрываются в ней через показ действий, поступков персонажей. Пропуски, не мешающие восприятию содержания, во-первых, освобождают место для подачи какой-либо информации, во-вторых, переносят часть информации в подтекст, делая таким образом текст **содержательно** ёмким. Повторы делают текст **эмоционально** насыщенным, то есть позволяют реализоваться другой стороне жанра – лиризму. Совмещаются ли они в одном тексте или бывают разведены – это подлежит еще исследованию, как и сопоставление частушки по данным характеристикам с другими видами лирической миниатюры.

Источники

БРФ – Частушки / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1990. – (Библиотека русского фольклора, т. 9).

Еленская – Сборник великорусских частушек / Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.

Зеленин – Зеленин Д.К. Сборник частушек Новгородской области (По материалам из бумаг В.А. Воскресенского) // Этнографическое обозрение. 1905. № 2–3. С. 164–320.

Симаков – Симаков В.И. Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. С приложением нот и подробного библиографического указателя литературы. Ярославль, 1913.

Тимин – Частушки 1920–1930-х годов. Собрание И.И. Тимина / Сост., вступ. ст., коммент. и указатели К.Е. Кореповой. Т. I. Девичьи частушки, т. II. Мужские и прочие частушки. Другие материалы. Нижний Новгород, 2025.

Литература

Артеменко 1977 – Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж, 1977.

Буслаев 1992 – Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992.

Васильева 2004 – Васильева Ю.В. Повтор как принцип организации фольклорного текста (лексико-синтаксический повтор в произведениях русского и англо-шотландского фольклора). Автореферат дисс... канд. филол. наук. Саратов, 2004.

Горелов 1965 – Горелов А.А. Русская частушка в записях советского времени // Частушка в записях советского времени / Изд. подгот. З.И. Власова и А.А. Горелов. М.–Л., 1965. С. 5–27.

Доброва 2018 – Доброва С. И. К вопросу о типологии позиционных, концентрирующих и цепных повторов в фольклорном тексте (на материале частушки) // Известия Воронежского гос. пед. университета. 2018. № 1(278). С. 169–175.

Евгеньева 1949 – Евгеньева А.П. Язык русской устной поэзии (Синонимия) // Труды отд. древнерусской литературы ИРЛИ. Т. VII. С. 168–212.

Евгеньева 1963 – Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.–Л., 1963.

Зырянов 1974 – Зырянов И.В. Поэтика русской частушки (Учебное пособие). Пермь, 1974.

Климкова 2013 – Климкова Л.А. Нижегородская частушка: лексический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(2). С. 94–97.

Колпакова 1966 – Колпакова Н.П. Типы народных частушек // Специфика фольклорных жанров: Русский фольклор. X. М.–Л., 1966. С. 266–288.

Корепова 2025 – Корепова К.Е. Пропуски (эллипсис) в частушке // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2025. № 1(25). С. 83–102.

Кулагина 2000 – Кулагина А.В. Поэтический мир частушки. М., 2000.

REPETITIONS IN HUMOROUS RHYME (CHASTUSHKI)

K.E. Korepova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines repetitions from the perspective of their semantics and stylistic function, taking into account the small form of genre. Tautological and synonymous repetitions of various types are investigated. It is established that a humorous rhyme (chastushka), while being created by a collective, widely uses all types of such repetitions, but they are reimagined due to the genre specifics: tautological and synonymous pairs are split, each member is singled out and repeated, accompanied by dependent words, dependent words are supplemented with tautology, which as a result leads to increased emotionality of the text and its overall semantic load. The amplifying function of a repetition remains the same as in folklore. The humorous rhyme (chastushka) combines two fundamentally opposite principles of text organization: ellipsis and repetition, ellipsis makes the text meaningfully capacious, repetitions – emotionally saturated. The way they combine in the texts needs further investigation, as well as the comparison of the humorous rhyme with other types of lyrical miniature according to these characteristics.

Keywords: humorous rhyme, chastushka, miniature, semantic load of a text, repetitions, ellipsis, synonymy, tautology.